

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 348.8

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.122-134

ПРАВОВОЙ МОНИТОРИНГ СОВРЕМЕННОГО ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ПРОЦЕССА В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ

В.К. Бакулин

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья посвящена анализу правозащитных механизмов как совокупности международных и внутригосударственных органов, наделенных законодательно закрепленными полномочиями для осуществления контрольно-надзорной деятельности по защите прав, свобод и законных интересов осужденных. Дана классификация системы правозащитных механизмов в пенитенциарной сфере с учетом универсального и регионального значения норм российского и международного права и их влияния на правовое положение осужденных в период отбывания уголовного наказания. Предложено (пока в постановочном плане) определение нового вида юридического процесса – уголовно-исполнительного (пенитенциарного). Поставлен вопрос о статусе межотраслевого института смертной казни и озвучена авторская позиция по разрешению обозначенной проблемы. С учетом приоритета норм международного права и международных договоров и их позитивного влияния на расширение и соблюдение прав, свобод и законных интересов осужденных отмечено наличие в российской законодательной системе правовой аксиомы, достойной интеграции в иные современные системы права. Речь идет о повышенных гарантиях, установленных в ч. 3 ст. 12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, то есть о полном запрете участия осужденных, даже с их согласия, в медицинских, научных и иных опытах. Рекомендовано обратить внимание на российский положительный опыт нормативно-правового регулирования указанной проблемы.

Ключевые слова: пенитенциарная система, правовые системы, правовое положение осужденных, правовой мониторинг, правозащитный механизм, пенитенциарный процесс

Анализ правозащитных механизмов и процедур контроля, имеющих разновывный характер с точки зрения интересующего нас контента соблюдения и защиты прав человека, отбывающего наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы, можно проводить по разным основаниям. Поскольку правовая система России является по своему положению и предназначению одной из ведущих на правовой карте мира, ее включение в международно-пенитенциарное научное и практическое пространство защиты прав и свобод осужденных

является вполне логичным и очевидным. Кроме того, нельзя не отметить следующее: Основной Закон государства не относит уголовно-исполнительное законодательство к процессуальному законодательству (п. «о» ст. 71 Конституции РФ), однако достаточное наличие процессуальных (процедурных) норм Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) позволяет говорить о сочетании материальных и процессуальных норм в рамках одной самостоятельной отрасли права. Так, ст. 50, 60.4, 60.16, 114, 117 УИК РФ предусматривают процедуру исполнения уголовных наказаний; отсюда следует, что исполнение уголовного наказания есть процесс, осуществляемый субъектами, уполномоченными исполнять уголовные наказания, со всеми существенными характеристиками процесса как такового.

Уголовно-исполнительный (пенитенциарный) процесс – это регулируемая нормами уголовно-исполнительного законодательства целенаправленная и системная деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), реализуемая в рамках контрольно-надзорной функции уголовно-исполнительного права; направленная на выявление, устранение и предупреждение нарушений осужденными режимных требований, предусмотренных УИК РФ и иными нормативными правовыми актами; осуществляемая в целях обеспечения законности, правопорядка, соблюдения и защиты прав, свобод и законных интересов осужденных.

Правовое положение осужденных трактуется как закрепленная в международных и внутригосударственных нормативных правовых актах совокупность их прав, свобод, законных интересов и обязанностей на период отбывания уголовного наказания с изъятиями и ограничениями, предусмотренными (в данном случае) уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством РФ.

Данное утверждение имеет законодательное закрепление в ч. 1 ст. 3 УИК РФ, где констатируется, что уголовно-исполнительное законодательство и практика его применения основываются на Конституции РФ, а также на общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах РФ, не противоречащих Основному закону России.

Помимо этого, Российское государство на уровне закона (ч. 3 ст. 10 УИК РФ) уважает, охраняет и гарантирует осужденным в РФ, иностранным гражданам и лицам без гражданства права, которые установлены международным договором РФ, законодательством РФ о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства, но в рамках отечественного права, с определенным набором праволишений и правоограничений.

В Законе (ч. 2 ст. 3 УИК РФ) говорится об обязанности правоприменителя руководствоваться правилами международного договора, если им установлены иные правила исполнения уголовных наказаний и обращения с осужденными, нежели это предусмотрено внутригосударственным законодательством.

Тесная связь международного и внутригосударственного права и наличие определенной системы норм, являющихся, по мнению В.К. Бабаева, определяющим критерием самостоятельности отрасли права, регулирующей обособленную и относительно однородную область общественных отношений в сфере исполнения уголовных наказаний [1, с. 88], с нашей точки зрения, позволяет (пока в постановочном плане) говорить о формировании международного пенитенциарного права как комплексной отрасли права. А.И. Абрамова указывает на наме-

тившуюся в последние годы тенденцию к сближению отраслей права и законодательства, что приводит к увеличению степени интегративности межотраслевого правового регулирования [2, с. 32].

Правовой мониторинг правозащитных механизмов как совокупности международных и внутригосударственных органов, а также институтов гражданского общества, наделенных законодательно закрепленными полномочиями для осуществления контрольно-надзорной деятельности по защите прав, свобод и законных интересов человека и гражданина посредством применения правовых средств поощрительного и принудительного характера, сегодня становится необходимым условием совершенствования правовой реальности на различных уровнях его реализации, в том числе в рамках осуществления пенитенциарного процесса.

Законодательство в сфере исполнения уголовных наказаний с учетом универсального и регионального значения норм российского и международного права может быть классифицировано следующим образом:

- 1) пенитенциарные международно-правовые акты универсального характера, принятые под эгидой ООН и имеющие наднациональный характер;
- 2) пенитенциарные международно-правовые акты субрегионального характера, принятые Советом Европы и другими союзами, объединениями государств и имеющие международный характер;
- 3) пенитенциарные нормативно-правовые акты конкретной национальной системы права.

Следует сразу подчеркнуть, что в данной части исследования анализу будут подвергнуты не все российские и международные правовые акты универсального, субрегионального и регионального характера, а только те из них, которые, как нам представляется, вплотную, непосредственно, касаются пенитенциарной сферы.

В юридической литературе отмечается, что на протяжении своей более чем 60-летней истории существования Совет Европы, в частности, «принял значительное количество конвенций, резолюций и рекомендаций, относящихся к сфере исполнения наказаний» [3, с. 3–6]. Спустя более 25 лет участия России в Совете Европы наша страна 16 марта 2022 г. вышла из состава данной организации из-за русофобской позиции стран Евросоюза и НАТО.

В рассматриваемом контексте мы остановимся на следующих источниках международного пенитенциарного права, задействованных в пенитенциарных процессах в России и за рубежом:

- 1) международно-правовые акты универсальной направленности: Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 г.) (Конв. ООН); Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Прав. НМ) и др.;
- 2) международно-правовые акты, входящие в субрегиональную правовую систему: Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (1987 г.) (Евр.конв.); Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1983 г.) (Конв. о ЗПЧ); Европейские пенитенциарные правила 2006 г. (обновленная версия от 1 июля 2020 г.) (ЕПП) и т. д.;
- 3) нормативные правовые акты регионального характера.

Наиболее остро в обозначенной сфере изучения механизмов и процедур контроля в пенитенциарном праве стоит традиционный вопрос о применении смертной казни. В течение минувшего столетия в нашей стране смертную казнь отменяли пять раз, но через определенный промежуток времени восставали [4, с. 7].

Каков же сегодня статус данного наказания в правовой системе России? Вот уже 25 лет, то есть с 2 февраля 1999 г., межотраслевой институт смертной казни находится в неразрешенном состоянии, поскольку фактически отменен, как пишет Д.А. Корецкий, «в ненадлежащем порядке и ненадлежащими субъектами, сколь бы значимыми, важными и авторитетными эти субъекты ни являлись» [5, с. 34]. Вынуждены констатировать, что указанный институт состоит из фактически не применяемых норм (впрочем, как и институт уголовного наказания в виде ареста, который не применяется в России 27 лет). Соответственно, как нам представляется, могло бы быть целесообразнее либо восстановить применение смертной казни, либо:

а) по воле Конституционного Собрания внести поправки в Конституцию РФ и по воле законодателя исключить обозначенные институциональные образования из УК РФ, УПК РФ, УИК РФ;

б) на основании международно-правовых актов ратифицировать Протокол № 6;

в) интенсифицировать реализацию института уголовного наказания в виде ареста.

На сложность, неоднозначность и по сути нерешенность рассматриваемой правовой проблемы указывает Председатель Конституционного Суда России В.Д. Зорькин. Им не исключается возможность возврата к вышеназванной мере наказания в будущем. Пока совершаются умышленные убийства, отмечает он, вопрос о применении смертной казни не может быть полностью закрыт [6, с. 80].

Не вдаваясь в дискуссию по поводу целесообразности смертной казни как таковой, мы полагаем, что поставленную проблему нужно решать путем восстановления смертной казни, сократив при этом количество статей УК РФ, за которые она установлена, и оставив только два состава преступлений, предусмотренных УК РФ. Во-первых, это ст. 357 «Геноцид», появившаяся в УК РФ в 1996 г. в результате инкорпорации норм специальной универсальной Конвенции 1948 г. о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него. Во-вторых, это преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 105 УК РФ «Убийство» (имеется в виду именно фактическое убийство, а не посягательство на жизнь (ст. 277, 295, 317 УК РФ)).

Мониторинг правозащитных механизмов и контрольной функции пенитенциарного процесса, которыми обладают международные правовые акты универсального и субрегионального характера, показывает важность наличия статуса обязательных для исполнения в силу подписания государствами актов и их ратификации. Международно-правовой акт обязателен для исполнения государством, если он им подписан и ратифицирован. В рамках сказанного и с учетом дискуссионности вопроса об институте ратификации мы солидарны со специалистами, полагающими, что «договоры, предметом которых являются основные права и свободы человека и гражданина, подлежат обязательной ратификации» [7, с. 139–140].

Тем не менее ряд международно-правовых актов в сфере исполнения уголовных наказаний носит рекомендательный характер и реализуется в уголовно-исполнительном процессе при наличии экономических и социальных возможностей, а также соответствующей политической воли. Важнейшими из них являются в универсальной правовой системе Правила Нельсона Манделы (2015 г.) (Прав. НМ), а в субрегиональной и региональной правовых системах – Европейские пенитенциарные правила в обновленной версии от 1 июля 2020 г. (ЕПП).

В УИК РФ и Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений (далее – ИУ), принятых 16 декабря 2016 г., то есть через год после принятия Правил Нельсона Манделы, в отношении осужденных, которые являются инвалидами первой или второй группы, были закреплены «привилегированные» нормы, предусматривающие послабление условий отбывания наказания в ИУ (например, ч. 6 ст. 88, ч. 2 ст. 90, ч. 4 ст. 97, ч. 6 ст. 99, ч. 2 ст. 103, ч. 5 ст. 104 УИК РФ и др.) и коррелирующие с правилами № 5 и 25 из списка Правил Нельсона Манделы. В двух упомянутых правилах отмечается необходимость принятия различных мер со стороны тюремной администрации по размещению и адаптации заключенных-инвалидов и обеспечению для них полного и эффективного доступа к жизни в тюрьме на равноправной основе. В правиле № 25.1 конкретизируется, что медико-санитарная служба, занимающаяся здоровьем заключенных, должна уделять повышенное внимание заключенным с особыми потребностями в медико-санитарной помощи или имеющим проблемы со здоровьем, которые препятствуют их реабилитации. Новые Правила внутреннего распорядка ИУ от 4 июля 2022 г. еще более детализируют правовое положение осужденных, являющихся инвалидами (Прик. от 4.07.22).

Европейские пенитенциарные правила также рекомендуют обеспечить заключенным доступ к медицинским услугам, имеющимся в стране, без дискриминации по признаку их правового положения. В правиле № 40.4 подчеркивается, что медицинские услуги в тюрьме должны быть направлены на выявление и лечение физических и психических заболеваний или дефектов, от которых могут страдать заключенные.

Вместе с тем следует иметь в виду, что на внутригосударственном уровне осужденные за злостное нарушение режима отбывания наказания в виде лишения свободы инвалиды с учетом медицинского заключения могут быть водворены в штрафной изолятор на срок до 15 суток, что вполне соответствует правилу № 44 из списка Правил Нельсона Манделы. Что же касается перевода осужденных, отбывающих наказание в колониях особого режима и тюрьмах в одиночных камерах сроком до 6 месяцев, то эти законодательные нормативы (ч. 1 п. «г» ст. 115 УК РФ) явно противоречат п. b правил № 43 и 44, запрещающих длительное одиночное заключение, превышающее 15 дней подряд. Однако российский законодатель в одном случае (ч. 7 ст. 117 УИК РФ) делает исключение только для осужденных, являющихся инвалидами первой группы, установив запрет на перевод их в штрафной изолятор, помещения камерного типа и единые помещения камерного типа, оставив при этом без внимания одиночные камеры. В другом – запрещает держать на строгом режиме тюрьмы осужденных, являющихся инвалидами первой или второй группы (ч. 4 ст. 130 УИК РФ).

Компаративный анализ проблемы проведения медицинских опытов в отношении заключенных в универсальной, субрегиональной и региональной пра-

вовых системах, по нашему мнению, может способствовать обоснованию унификации международного пенитенциарного права. Например, правило № 32 из списка универсальных Правил Нельсона Манделы закрепляет абсолютный запрет на медицинские и научные опыты, которые могут причинить вред здоровью заключенного. В то же время ч. 2 данного правила допускает возможность участия заключенного в клинических испытаниях и других медицинских научных исследованиях при наличии его свободного и осознанного согласия, что подлежит научному объяснению в рамках создания международных нормативов, учитывающих мнение ученых в сфере международного права, европейской и национальной юридической науки.

Европейские пенитенциарные правила (например, № 48.1) по сути дублируют положения Правил Нельсона Манделы, в которых констатируется, что заключенные не должны подвергаться никаким экспериментам без их согласия.

На национальном уровне в ч. 2 ст. 21 Конституции РФ также подчеркивается, что никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам.

В отличие от рекомендаций международно-правовых актов и Конституции, которая имеет высшую юридическую силу и верховенство на всей территории Российской Федерации, УИК РФ в ч. 3 ст. 12 устанавливает полный запрет на медицинские, научные или иные опыты над осужденными независимо от их согласия. Итак, мы видим, что нормы национального отраслевого законодательства закрепляют повышенные гарантии осуществления и защиты прав осужденных. В связи с этим можно полагать, что международное и европейское право, а также практика его применения могут использовать положительный опыт нормативно-правового регулирования национальных правовых систем, создав тем самым единый правовой образец в сфере правовой регламентации пенитенциарного процесса.

Значимыми и существенными правовыми механизмами и контрольными полномочиями, как нами было уже отмечено, в пенитенциарной сфере обладают международно-правовые акты универсального и регионального характера, имеющие статус обязательных для исполнения в силу подписания и ратификации такого документа государством. Данные обстоятельства учитываются и в области контроля за исполнением уголовных наказаний на всех уровнях.

Контроль в пенитенциарной сфере – «это целенаправленная и системная деятельность уполномоченных субъектов международного права, федеральных органов государственной власти и институтов гражданского общества по выявлению, устранению и предупреждению нарушений законов, иных нормативных правовых актов и международных договоров органами и учреждениями, исполняющими уголовные наказания, осуществляемая в целях обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов осужденных, сотрудников и персонала УИС» [8 с. 28]. Институциональная модель исполнения уголовного наказания, существующая в той или иной стране, влияет на контрольно-надзорную деятельность в отношении мировых пенитенциарных систем. Исследователи данной сферы науки отмечают, что институт контроля и надзора более развит в тех странах, в которых пенитенциарная система находится в ведении Министерства юстиции [9, р. 47].

Уголовно-исполнительное законодательство и практика его применения в соответствии с ч. 1 ст. 3 УИК РФ основываются на строгом соблюдении га-

рантий защиты от пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения с осужденными (УИК РФ, с. 4). Указанное законодательное закрепление является результатом подписания и ратификации РФ Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. На основании данных Конвенций были созданы контрольные органы как универсального (Комитет против пыток, далее – КПП) так и субрегионального характера (Европейский комитет по предупреждению пыток, далее – ЕКПП). Имеет место такой контроль и на уровне конкретного государственно-правового регулирования системы исполнения уголовных наказаний.

На наш взгляд, функционирование ЕКПП следует признать более эффективным для предупреждения и борьбы с пытками, поскольку контроль осуществляется специализированным органом в виде инициативной деятельности посредством посещений мест принудительного содержания. Решения ЕКПП носят рекомендательный характер, а задачей Комитета является не осуждение государства за нарушения, а сотрудничество с ним в целях защиты лиц, лишенных свободы (Евр.конв., с. 81).

Взаимодействие контролирующих органов разного уровня носит позитивный характер. Так, в октябре 2018 г. представители ЕКПП внепланово посетили Казанскую психиатрическую больницу (стационар) специализированного типа с интенсивным наблюдением и опубликовали выводы о несоответствии условий в данной больнице учреждению здравоохранения. Последний визит ЕКПП в Россию состоялся в октябре 2019 г. На этот раз они посетили один СИЗО в Омске и пять исправительных колоний в нескольких регионах РФ [10].

Полномочия КПП заключаются в рассмотрении докладов и – в некоторых случаях – посещениях государств-участников Конвенции ООН. Последние раз в четыре года отчитываются о мерах, принятых для реализации предписаний конвенции. Кроме того, если имеется достоверная информация о систематических применениях пыток, то с согласия государства-участника КПП может посетить его территорию (Конв. ООН, с. 34).

Министерство юстиции заверило, что Россия представит очередной доклад о выполнении Конвенции ООН до 10 августа 2022 г. Следуя приверженности соблюдению положений обеих упомянутых выше Конвенций, Государственная Дума РФ 16 февраля 2022 г. приняла в первом чтении законопроект об ужесточении наказания за пытки для представителей органов власти (Зак. от 16.02.22).

Достаточно большим ресурсом правозащитных механизмов и особыми контрольными полномочиями в отношении пенитенциарной системы России в региональной правовой системе обладает Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ). В России с 1998 г. на нормативно-правовом уровне закреплена обязательность исполнения постановлений ЕСПЧ для всех ветвей государственной власти, следовательно, решения ЕСПЧ являются источником права, в том числе уголовно-исполнительного права и процесса.

По мнению некоторых ученых (и мы с ними солидарны), решения ЕСПЧ относятся к нетрадиционным источникам права, отличающимся комплементар-

ным характером, то есть не просто добавочностью, субсидиарностью, а взаимным дополнением сопоставимых характеристик с тем источником гражданского процессуального права, который имеет прямое действие, а также неоднократно своего влияния на него [11].

На основании Федерального закона от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении РФ международных договоров Совета Европы» (43-ФЗ) в связи с выходом РФ из Совета Европы Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. прекратила действие в отношении РФ и, соответственно, учрежденный Конвенцией ЕСПЧ не распространяет свою юрисдикцию на РФ.

Россия входила в тройку лидеров по количеству жалоб, в том числе и от осужденных, на нарушение прав, закрепленных Конвенцией о защите основных прав и свобод человека. В январе 2021 г. ЕСПЧ вынес решение по делу «Шлыков и другие против России» за неоправданно длительное надевание наручников четверем осужденным «пожизненникам» и обязало государство выплатить им компенсацию морального вреда в размере от 1900 до 3000 евро (Пост. ЕСПЧ).

Следует отметить, что Российская Федерация в целом выполняла обязательства, взятые на себя при вступлении в Совет Европы, признавала юрисдикцию ЕСПЧ и выплачивала компенсацию осужденным, за исключением двух случаев. На основании постановления Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П не исполнялись решения по делам «Анчугов и Гладков против России» и «ОАО “НК ЮКОС” против России» как противоречащие Конституции РФ.

Правовой вакуум, возникший в РФ в сфере международной контрольной правозащитной деятельности, стимулирует создание новых, альтернативных межгосударственных органов и средств правовой защиты, основанных на принципах независимости и беспристрастности. Как известно, в настоящее время обсуждаются вариации создания межгосударственного суда в рамках БРИКС, СНГ, ЕАЭС.

Не снят с повестки и вопрос об учреждении в судебной системе России специализированных пенитенциарных судов и, следовательно, юрисдикционного пенитенциарного процесса.

Необходимо подчеркнуть, что Россия, следуя курсу гуманизации уголовно-исполнительной системы, на внутригосударственном уровне устанавливает повышенные гарантии соблюдения прав осужденных. Так, последние начиная с 2019 г. имеют возможность более эффективно защищать право на жизнь, здоровье, безопасность путем обращения в суд за компенсацией в случае нарушения условий их содержания в исправительном учреждении (ст. 12.1 УИК РФ).

Пенитенциарным международно-правовым актом субрегионального характера является Модельный УИК для государств-участников СНГ 1996 г. (Мод.код.).

В нашем понимании Модельный УИК СНГ – это законодательный акт, разработанный субрегиональной международной организацией, содержащий рекомендательные нормы для государств-участников в сфере правового регулирования исполнения уголовных наказаний, направленный на сближение правовых систем, унификацию и гармонизацию законодательства. Данный законодательный акт фрагментарно соотносится и с международными, и с региональными нормами пенитенциарного характера.

Модельный УИК СНГ дублирует ст. 35 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (Конв. о ЗПЧ) об исчерпании всех имеющихся внутригосударственных средств правовой защиты при подаче осужденными жалоб в межгосударственные органы, в отличие от российского законодателя, исключившего эту оговорку (условие) из ч. 4 ст. 12 УИК РФ 8 декабря 2003 г.

В то же время прослеживается взаимосвязь норм УИК СНГ с универсальными, субрегиональными и региональными нормами, касающимися ратификации международных договоров. Так в ч. 2 ст. 3 УИК СНГ констатируется, что в случае противоречия между УИК и ратифицированными международными договорами первый приводится в соответствие с указанными международными договорами. Считаю важным сделанный в этом законодательном акте акцент именно на ратификации международного договора, а не только на его подписании, как это произошло с Протоколом № 6 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Вышеизложенное позволяет констатировать важность научных исследований в рассматриваемой проблематике с точки зрения обоснования методологических директив для отечественного и зарубежного правоведения [12]. Совершенствование способов и методов организации правовой (научной и практической) деятельности в области установления и реализации механизмов и процедур защиты прав и свобод человека [13] в пенитенциарном праве исходя из предложенной нами классификации может иметь существенное праксиологическое значение для цивилизационного развития правовой реальности на всеобщем правовом пространстве.

В практическом смысле механизм предоставления докладов в ООН и возможность посещения государств с целью контроля как на универсальном, так и на субрегиональном, а также региональном уровнях, обращения осужденных в межгосударственные органы способствуют обобщению информации по соблюдению прав осужденных, а также интенсификации систематической, реальной работы государств по защите прав осужденных в пенитенциарной системе при осуществлении пенитенциарного процесса.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы: во-первых, неопределенность современных международно-правовых отношений с рядом государств не снимает ответственности с пенитенциарных институтов в России и за рубежом за обеспечение гарантий национальных юрисдикций в области соблюдения прав и свобод лиц, осужденных за совершение преступлений. Во-вторых, развитие и совершенствование пенитенциарного процесса с точки зрения ценностного подхода в праве нацелено на перспективу и имеет прогностический характер [14], не зависящий в полной мере от отдельных метаморфоз конкретных исторических периодов. В-третьих, юридическая наука, как и научно-исследовательское пространство социогуманитаристики в целом, ощущает необходимость интернационализации научного контента, в котором и преступность, и пенитенциарный процесс должны изучаться системно, комплексно и со всесторонней опорой на гуманитарную миссию права вообще.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- Конституция РФ – Конституция Российской Федерации. Новая редакция: [с изменениями, принятыми на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 года]: с комментариями Конституционного суда РФ. М.: Проспект, 2022. 116, [1] с.
- УИК РФ – Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, 2021. 112 с.
- УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ (СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.
- Конв. ООН – Конвенция ООН против пыток и других жестоких бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания // Защита прав человека в местах лишения свободы: сб. норматив. актов и офиц. док. / Сост.: В.И. Селиверстов, В.С. Радкевич; отв. ред. О.О. Миронов. М.: Юриспруденция, 2003. С. 34–65.
- Прав. НМ – Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) (пересмотренный текст) (приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 17 дек. 2015 г.). // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/1305346/>, свободный.
- Евр.конв. – Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания // Защита прав человека в местах лишения свободы: сб. норматив. актов и офиц. док. / Сост.: В.И. Селиверстов, В.С. Радкевич; отв. ред. О.О. Миронов. М.: Юриспруденция, 2003. С. 81–102.
- Конв. о ЗПЧ – Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изменениями и дополнениями) // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/2540800/>, свободный.
- ЕПП – Европейские пенитенциарные правила 2006 г. в обновленной версии от 1 июля 2020 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420361984>, свободный.
- УПК РФ – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942>, свободный.
- Прик. от 4.07.22 – Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207060002>, свободный.
- Зак. от 16.02.22 – Законопроект № 42307-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления ответственности за пытки)» (принят Государственной Думой в первом чтении постановлением № 816-8 ГД от 16 февр. 2022 г.). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/42307-8>, свободный.
- 43-ФЗ – Федеральный закон от 28 февр. 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/79355.html>, свободный.
- Пост. ЕСПЧ – Постановление ЕСПЧ по делу «Шлыков и другие против России» (жалоба № 78638/11) от 19 янв. 2021 г. URL: <https://european-court-help.ru/delo-78638-11-shlykov-i-drugie-protiv-rossii/>, свободный
- Мод.код. – Модельный уголовно-исполнительный кодекс для государств участников СНГ (принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 2 ноября 1996 г. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=175447>, свободный.

Литература

1. *Бабаев В.К.* Теория современного советского права. Н. Новгород: Нижегород. ВШ МВД РСФСР, 1991. 155 с.
2. *Абрамова А.И.* Современные тенденции интеграции и дифференциации правового регулирования // Журн. рос. права. 2018. Т. 6, № 9. С. 29–38. https://doi.org/10.12737/art_2018_9_3.
3. Сборник конвенций, рекомендаций и резолюций, касающихся пенитенциарных вопросов / Пер. с англ.; под общ. ред. Ю.И. Калинина. Рязань: Акад. ФСИН России, 2008. 235 с.
4. *Михлин А.С.* Высшая мера наказания: история, современность, будущее. М.: Дело, 2000. 174 с.
5. *Корецкий Д.А.* Проблема легитимности фактической отмены смертной казни // Ведомости УИС. 2011. № 2 (105). С. 31–35.
6. *Зорькин В.Д.* Конституционное правосудие: процедура и смысл. СПб.: КС РФ, 2021. 154 с.
7. *Тиунов О.И.* Ратификация международных договоров в РФ: законодательное регулирование и практика // Журн. рос. права. 2008. № 4 (136). С. 137–156.
8. *Бакулин В.К.* Контроль и надзор в сфере исполнения уголовных наказаний. М.: Проспект, 2021. 208 с.
9. *Bakulin V.K., Bakulina L.V., Khalilov R.N.* Comparative European and International law and Russian Human Rights. EU Research Interests in Criminal Law Regulation: European, International Russian Federation Criminal Law Regulation in Penitentiary System. LAP Lambert Acad. Publ., 2021. 92 p.
10. *Аленова О.* ПНИ и пытки. Что увидел ЕКПП в российских психоневрологических интернатах. 2019. 29 окт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4141180>, свободный.
11. *Голубцов В.Г., Валеев Д.Х.* Современная дискуссия об источниках гражданского процессуального права // Ex Jure. 2022. № 2. С. 93–105. <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2022-2-93-105>.
12. *Бакулина Л.Т., Степаненко Р.Ф.* Обзор материалов III Всероссийского «круглого стола» по общетеоретическим проблемам права «Современные тенденции в эволюции методологии правовых исследований» // Право и государство: теория и практика. 2016. № 7 (139). С. 135–152.
13. Международная и внутригосударственная защита прав человека / А.Х. Абашидзе, А.И. Абдуллин, Э.Р. Адамова [и др.]; под редакцией Л.Х. Мингазова. М.: Проспект, 2021. 848 с.
14. *Степаненко Р.Ф.* Процессуальность права в аксиологическом измерении: общетеоретические и методологические проблемы // Вестн. гражд. процесса. 2019. Т. 19, № 3. С. 34–44.

Поступила в редакцию 20.05.2024

Принята к публикации 19.07.2024

Бакулин Валерий Константинович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: peltonen_87@mail.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.122-134

**Legal Monitoring of the Modern Penitentiary Process
in Russian and Foreign Legal Systems***Bakulin V.K.**Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia**E-mail: peltonen_87@mail.ru*

Received May 20, 2024; Accepted July 19, 2024

Abstract

This article explores human rights mechanisms as a set of international and domestic bodies that are legally authorized to perform oversight and supervisory activities for protecting the rights, freedoms, and legitimate interests of convicts. A classification of human rights mechanisms within the penitentiary system was given, taking into account the universal and regional value of Russian and international laws and their influence on the legal status of convicts serving their criminal sentences. A new type of legal process, (penitentiary) criminal enforcement, was proposed for future consideration and defined. The status of the cross-sectoral institution of death penalty was discussed from our own perspective on the matter. With regard to the primacy of international legal norms and treaties in expanding and upholding the rights, freedoms, and legitimate interests of convicts, it was concluded that the Russian legislative system has a legal axiom worthy of integration into other modern legal systems.

Keywords: penitentiary system, legal systems, legal status of convicts, legal monitoring, human rights mechanism, penitentiary process

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Babaev V.K. *Teoriya sovremennogo sovetskogo prava* [The Theory of Modern Soviet Law]. Nizhny Novgorod, Nizhegorod. VSh MVD RSFSR, 1991, p. 88. (In Russian)
2. Abramova A.I. Contemporary trends in the integration and differentiation of legal regulation. *Zhurnal Rossiiskogo Prava*, 2018, vol. 6, no. 9, pp. 29–38. https://doi.org/10.12737/art_2018_9_3. (In Russian)
3. *Sbornik konventsii, rekomendatsii i rezolyutsii, kasayushchikhsya penitentsiarnykh voprosov* [Compendium of Conventions, Recommendations, and Resolutions Relating to Penitentiary Issues]. Kalinin Yu.I. (Ed.). Ryazan, Akad. FSIN Ross., 2008. 235 p. (In Russian)
4. Mikhlin A.S. *Vysshaya mera nakazaniya: istoriya, sovremennost', budushchee* [Capital Punishment: Past, Present, and Future]. Moscow, Delo, 2000. 174 p. (In Russian)
5. Koretskii D.A. The concern regarding the legitimacy of de facto abolition of death penalty. *Vedomosti UIS*, 2011, no. 2 (105), pp. 31–35. (In Russian)
6. Zor'kin V.D. *Konstitutsionnoe pravosudie: protsedura i smysl* [Constitutional Justice: Procedure and Essence]. St. Petersburg, 2021, p. 80. (In Russian)
7. Tiunov O.I. Ratification of international treaties under the laws of the Russian Federation: Legislation and practice. *Zhurnal Rossiiskogo Prava*, 2008, no. 4 (136), pp. 137–156. (In Russian)
8. Bakulin V.K. *Kontrol' i nadzor v sfere ispolneniya ugovolnykh nakazanii* [Oversight and Supervision in the Field of Execution of Criminal Penalties]. Moscow, Prospekt, 2021. 208 p. (In Russian)

9. Bakulin V.K., Bakulina L.V., Khalilov R.N. *Comparative European and International Law and Russian Human Rights. EU Research Interests in Criminal Law Regulation: European, International Russian Federation Criminal Law Regulation in Penitentiary System*. LAP Lambert Acad. Publ., 2021. 92 p.
10. Allenova O. Mental asylums and torture: What the Committee for the Prevention of Torture found in Russian psychiatric hospitals. 2019. Oct. 29. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4141180>. (In Russian)
11. Golubtsov V.G., Valeev D.Kh. The current debate on the sources of civil procedure law. *Ex Jure*, 2022, no. 2, pp. 93–105. <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2022-2-93-105>. URL: <http://ex-jure.psu.ru/images/2022-2/2022-2-7.pdf>. (In Russian)
12. Bakulina L.T., Stepanenko R.F. Review of the proceedings of the III All-Russian “Round Table” Conference on General Theoretical Problems of Law “Contemporary Trends in the Evolution of the Methodology of Legal Research”. *Pravo i Gosudarstvo: Teoriya i Praktika*, 2016, no. 7 (139), pp. 135–152. (In Russian)
13. Abashidze A.Kh., Abdullin A.I., Adamova E.R. et al. *Mezhdunarodnaya i vnutrigosudarstvennaya zashchita prav cheloveka* [Protecting Human Rights at the Global and National Levels]. Mingazov L.Kh. (Ed.). Moscow, Prospekt, 2021. 848 p. (In Russian)
14. Stepanenko R.F. The procedural nature of law from axiological perspective: General theoretical and methodological issues. *Vestnik Grazhdanskogo Protsessa*, 2019, vol. 19, no. 3, pp. 34–44. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Бакулин В.К. Правовой мониторинг современного пенитенциарного процесса в российской и зарубежных правовых системах // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 3. С. 122–134. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.122-134>. ⟩

⟨ **For citation:** Bakulin V.K. Legal monitoring of the modern penitentiary process in Russian and foreign legal systems. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 3, pp. 122–134. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.122-134>. (In Russian) ⟩